

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-120-153>

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

В.М. Кириллин
**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СВЯТОМ ВЛАДИМИРЕ,
ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ КИЕВСКОМ,
В ЭПОХУ МОСКОВСКОГО
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА**

Аннотация: В статье рассматриваются два варианта известного по спискам XVI в. риторического жизнеописания крестителя Руси — «Похвала» и «Поучение», тексты которых отражают общий архетип. Специальное внимание исследователь обращает на пассажи, содержащие оценочные характеристики святого князя. Признав вслед за своими учеными предшественниками их плагирированность, автор устанавливает, что, расширяя лексико-стилистически контекст восхваления Владимира Святославича за счет заимствований, составитель архетипа двух произведений в идейном отношении не сумел его обогатить. Разве что положил начало утверждению царского и самодержавного достоинства родоначальника христианских русских правителей: факт, согласующийся с изменившимися нормами поведения и речи в московском обществе конца XV — первой половины XVI вв. Вместе с тем неизвестный русский грамотник очевидным образом явил себя как мастер литературной компиляции и комбинаторики. Созданный им текст, а вместе с тем и варианты последнего, «Похвала» и «Поучение», имеет прежде всего историко-литературное значение, поскольку был использован при составлении жизнеописания Владимира Святославича, включенного в «Книгу степеней царского родословия».

Ключевые слова: заимствование, рефлексивные пассажи, словесные конструкции, идея наследственности и преемственности, эвхология, просительная молитва, домовый храм во имя святого Владимира.

Vladimir M. Kirillin
**REPRESENTATIONS ABOUT SAINT VLADIMIR,
VLADIMIR THE GREAT IN THE MOSCOW
CENTRALIZED STATE EPOCH**

Abstract: The article examines two versions of the well-known 16th century rhetorical biography of the Baptist of Russia — *Praise* and *Precept*, the texts of which reflect the general archetype. The researcher pays special attention

to the passages containing the evaluative characteristics of the holy prince. Recognizing, following his scholarly predecessors, their plagiarism, the author establishes that, expanding the lexico-stylistically context of praising Vladimir Sviatoslavich by borrowing, the compiler of the archetype of the two works in an ideological sense was not able to enrich it. Perhaps he laid the foundation for the assertion of the tsarist and autocratic dignity of the ancestor of the Christian Russian rulers: a fact consistent with the changed norms of behavior and speech in Moscow society at the end of the 15th — the first half of the 16th century. At the same time, the unknown Russian literary scholar evidently showed himself as a master of literary compilation and combinatorics. The text he created, and at the same time the variants of the latter, *Praise* and *Precept*, is primarily of historical and literary significance, since it was used in the compilation of the biography of Vladimir Sviatoslavich, included in the *Book of Degrees of the Royal Genealogy*.

Keywords: borrowing, reflexive passages, verbal constructions, the idea of heredity and continuity, euchology, supplicatory prayer, house church in the name of St. Vladimir.

Особый этап в развитии предания о великом и святом просветителе и устроителе русской жизни, как и всего владимирского литературного цикла, приходится на время завершения длительного, многосложного и драматического процесса объединения вокруг Москвы всей северной Руси и постепенного обретения Московской Русью положения единого русского государства, а московскими великими князьями — социально-политического статуса и функций государя и царя.

Ряд событий внешнего характера: позор Ферарро-Флорентийской унии (1439), падение Константинополя и Византийской империи (1453), окончательное избавление от ордынской политической зависимости (1480), выход из состава Великого Литовского княжества и присоединение к Москве многих исконно русских по населению Чернигово-Северских и Смоленских уделов (конец XV в.), установление великим московским князем Иваном III Васильевичем дипломатических отношений с рядом западноевропейских держав; а также череда событий внутреннего свойства: обретение Русской Церковью фактической автокефалии (1448), разделение Русской Церкви на Киевскую и Московскую митрополии (1459), приобщение московской власти к наследственному величию византийских императоров (1472), подчинение Москве Великого Новгорода и всей его земли, преодоление политического инакомыслия в лице представителей литовской «партии»

(1478) и религиозного иноверия в лице жидовствующих (1490/1504), повышение общественного значения в русской жизни дворянства как служилой и сравнительно новой прослойки, объявление в итоге династической борьбы при дворе Ивана III наследником престола сына Софьи Палеолог Василия III Ивановича (1499) [5, с. 271–285] — вот реальные факторы формирования русским обществом на рубеже XV–XVI вв. нового самоощущения в мировом пространстве и самосознания в рамках собственного бытия. В умах москвитов возникло то, что по аналогии с формулой Д.С. Лихачева («новое историческое сознание» [15, с. 107]) можно обозначить как новое идеологическое сознание. Московское государство стало восприниматься не только как некий итоговый феномен единого мирового исторического процесса, но и как факт закономерного усвоения духовно-политического авторитета в мире.

Это нашло отражение в значительном корпусе самых разных литературных памятников. К указанному времени вполне сложилась и история длительного читательского спроса и литургического употребления состава текстов (похвальных, жизнеописательных, песенно-стихословных), посвященных освещению и осмыслению личности и деяний Владимира Святославича как «на земли», так и «на небесѣхъ» [10; 11; 12; 13]. Казалось бы, все они исчерпали тему воздания ему должных почестей. Но нет. Вероятно, новые общественно-исторические обстоятельства и сопряженные с ними переживания, размышления, умонастроения вновь привлекли внимание древнерусских книжников к уже прославленной и воспетой фигуре святого князя как идеального правителя, создавшего на Руси, согласно литературному преданию, гармонию христианского единства. Пожалуй, наиболее внятно на этот счет высказался преподобный Иосиф Волоцкий в своей знаменитой книге «Просветитель», создававшейся в конце XV — начале XVI вв. [2, с. 204–315]:

Но не терпя своего създаниа зрѣти погыбающа, святаа и блаженнаа и поклоннаа Троица и посѣти насъ вѣстокъ свыше; и свѣтомъ богоразумиа просвѣти и вѣроу, и благочестием, премудростию же и разумомъ самодержца и владыкы всеа Рускыа земля, блаженнаго Владимира сына Святославова, и внука Игорева и блаженныа Ольги, правнука же Рюрикова. Призрѣ бо на него Всевидящее Око, и просвѣти его божественнымъ

крещениемъ, и бысть сынъ Свѣта. И нетокможе самъ единъ подцася спастися, но и всѣхъ спасти подвижеся, и всѣмъ повелѣ креститися въ имя Отца и Сына и Святаго Духа. От того времеи солнце евангельско землю нашу осиа, и апостольскый громъ насъ огласи, и божественныа церкви и монастыри съставишася, и быша мнози святителие же и преподобнии, чюдотворци же и знаменоносци, и якоже златыма крилома на небеса възлетаху. И якоже древле нечестиемъ всѣхъ превзыде Рускаа земля, тако и нынѣ благочестиемъ всѣхъ одолѣ. Во инѣхъ бо странахъ, аще и мнози бѣше благочестиви же и праведни, но мнози бѣаху нечестиви же и невѣрни, съ ними живуще и еретическаа мудръствующе; въ Русѣй же земли нетокмо веси и села мнози не свѣдомии, но и гради мнози суть, иже ни единого имуще невѣриа или еретическаа мудръствующа, *но вси единого пастыря Христа едина овчата суть, и вси едино мудръствующе, и вси славяще святую Троицу*, еретика же или злочестива, нигдѣже никто видѣль есть¹.

Для писателя, замечу, Владимир Святославич не только самодержец и владыка всей Русской земли. К нему как к источнику и причине Иосиф твердо возводит святое благочестие и гармоническое единодушие в жизни Русской Церкви и народа Божия. Уместно при этом отметить наличие связи созданного Волоцким игуменом пассажа с самыми ранними провладимирскими текстами; правда, связь эта довольно пунктирна. Действительно, только одна фраза — «призрѣ бо на него Всевидящее Око» явно повторяет текст «Слова о Законе и Благодати» («призрѣ на нь всемилостивое око благааго Бога»), и только одно выражение — «и просвѣти его божественнымъ крещениемъ», по-видимому, есть рефлекс вопрошания Иакова Мниха («како просвѣти благодать Божия сердце князю рускому Володимеру»). В остальном, очевидно, Преподобный в приведенном размышлении независим от предыдущей посвященной Владимиру литературной традиции. Разве что симптоматичен употребленный им применительно к личности Владимира термин «самодержца»: во-первых, он указывает на возможное знакомство Иосифа с текстом анонимного сказания об убиении Бориса и Глеба («Сущю самодръжьцю вьсей Русьскей земли Володимеру...» [4, с. 328]), а также с текстом второй — «историче-

¹ Просветитель, или обличение ереси жидовствующих: Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Изд. 3-е. Казань, 1896. С. 30–31.

ской» — службы крестителю Руси («...в той же день успение апостола² равнаго благовѣрнаго великаго князя Владимира, самодержца Руския земля...»²); во-вторых, он отражает возрожденную еще по отношению к московскому великому князю Василию II Темному и утвердившуюся к концу XV столетия норму титулования Ивана III [24, с. 698, 699, 705, 707, 710]. В любом случае очевидно, что к началу XVI в. сознанием русского общества были скоррелированы в рамках историко-политической логики представления о великом государственном деятеле эпохи Киевской Руси и представления о действующем правителе Московского государства Иване Васильевиче как наследнике святого Владимира (Василия во крещении).

Вместе с тем ничто не мешает предположению, что именно Волоцкий игумен, при его общественном авторитете, и именно это его размышление, при высокой степени востребованности «Просветителя» в читательских кругах, могли пробудить новый интерес к великому киевскому реформатору всей русской жизни, чему, кстати, должна была способствовать и новая волна обращенности русских книжников во второй половине XV и начале XVI столетий к давнему мировому и особенно собственному прошлому [16, с. 468] — через новые летописные своды, хронографические компиляции, исторические повести [14; 9, с. 253–259; 6, с. 273–275]. Но, как бы ни было на самом деле, факт есть факт: судя по рукописям, в круг русского чтения попадают в первой половине XVI в. два новых текста, посвященных Владимиру Святославичу, — «О крещении Русския земля и от житиа въкратце и похвала иже в святых равнаго апостолом и благовернаго великаго князя Владимира, нареченнаго в святемъ крещении Василия, крестившаго всю Русскую землю» [32, с. 31–39]) и «Поучение на память иже в святых равнаго апостолом благовернаго великаго князя Владимира, в святем крещении нареченнаго Василия, крестившаго всю Рускую землю. Житие и Похвала въкратце» (далее — «Поучение» [32, с. 39–44]³).

Первое произведение известно по трем спискам; древнейший сохранился в сборнике-конвольюте из библиотеки Троице-Сергиева монастыря (ОР РГБ. Ф. 304.1. № 678) и относится к 20-м гг. XVI в.; второе

² *Славитский М.* Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII–XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник. 1888. Май — август. С. 233.

³ Далее эти тексты цитируются по публикации А.С. Усачева.

сохранилось в единственном списке 30-х гг. XVI в. из библиотеки Волоколамского монастыря (ОР РГБ. Ф. 113. № 659). Оба текста введены в научный оборот еще в XIX в. и рассматривались, прежде всего, как взаимно близкие к «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона и связанные с некоторыми другими памятниками древнерусской литературы. Но их детальное текстологическое исследование с учетом исчерпывающей историографии предпринято лишь совсем недавно А.С. Усачевым [32, с. 5–30]. В результате было установлено следующее.

1. «Похвала» могла быть создана в рамках довольно широкого временного разброса. Это период от второй половины XV в. до 20-х гг. XVI столетия. Более точная датировка произведения затруднительна. Что же касается «Поучения», то некоторые его словесные формулы дают возможность относить появление этого текста к последним годам правления великого князя Василия Ивановича и связывать работу над ним с книжной деятельностью Иосифо-Волоколамского монастыря.

2. Содержательно оба произведения компилятивны и текстуально весьма близки, так что может показаться, что это две редакции одного произведения; но, скорее всего, они были созданы разными составителями независимо друг от друга и на основе разных списков общего источника, который представлял собой нечто подобное какой-то редакции проложного жития святого Владимира или даже какому-то несохранившемуся особому жизнеописанию князя.

3. Помимо «Слова о Законе и Благодати» и Жития Владимира, оба произведения в плане некоторых повествовательных деталей обнаруживают общность, но в разной степени, с разными вариантами летописного рассказа о княгине Ольге, крещении Руси и деятельности Владимира после крещения, а также с псковской редакцией проложного жития Ольги, Похвальным словом княгине, Хронографом 1512 г., Хроникой Константина Манассии и Житием Константина Великого. При этом означенная общность, скорее всего, опосредована, ибо была, по-видимому, свойственна еще архетипу и «Похваль», и «Поучения».

Некоторые уточнения относительно этих двух новых текстов сделаны также Н.И. Милютенко [19, с. 203–206]. Но, в сущности, они не меняют основных выводов А.С. Усачева.

Выявленная текстуальная связь рассматриваемых произведений с определенным литературным фоном касается не только их всецело фактологической стороны. Оба текста, наряду с изложением фактов,

содержат также рефлексивные пассажи, т. е. те или иные суждения, в целом взаимно тождественные по содержанию, но частью не повторяющиеся в каждом из них. Указанную ментальную компоненту текстов представляют также редкие эпитетные и именные характеристики крестителя Руси. И та, и другие, на мой взгляд, репрезентативны, несмотря на то что и у них имеются литературные источники. Однако как раз этой сфере мысли по поводу излагаемых событий и деяний А.С. Усачев, будучи занят текстовыми фрагментами, отражающими тайну происхождения памятников, уделил минимальное внимание, ограничившись лишь обозначением отвлеченных словесных массивов, новых относительно традиции книжного славения Владимира Великого. Такое же отсутствие интереса к элементам, в которых кроется оценочная позиция, выказано и Н.И. Милютенко.

Впрочем, в моем замечании нет упрека уважаемым историкам. У них были свои задачи, и они их блестяще выполнили. Но для филолога, интересующегося обычно и чаще смыслом⁴ и красотой слов [29, с. 98–101; 30, с. 299–308], особенно важны содержащиеся как в «Похвале», так и в «Поучении», в виде дополнений к конкретике нарратива, именно гомилетические пассажи и отдельные лексемы, обозначающие разные реалии, понятия и чувства. И важны именно как семиотически специфическое в контексте всей истории владимирского литературного цикла явление.

Так что совсем не зря в начале статьи была приведена цитата из «Просветителя», посвященная крестителю Руси и восхвалению Русской земли — хранильницы христианского благочестия. Ведь употребленная в нем атрибуция князя как самодержца отражает не только изменения в восприятии обществом феномена верховной власти, но и литературный процесс, фиксирующий эти изменения. Показательной в этом аспекте является история текста «Слова о Законе и Благодати». Фактически во всех вариантах этого памятника для слова «самодержец» не нашлось места. И только в одном списке 2-й редакции «Слова» — РНБ, собр. М.П. Погодина, № 645 — обнаруживается исключение в виде прибавки к обычному тексту: «...Тебе же (Влади-

⁴ В этом отношении лингвисты различают лексические значения — денотативные (соотнесенность слов с предметными явлениями действительности), референтные (соотнесенность слов с понятиями о явлениях действительности), коннотационные (соотнесенность слов с настроенческим отображением явлений действительности) [3, с. 126, 203, 384; 25, с. 61, 101, 237; 18, с. 85, 155, 378–379].

мира. — В.К.) како похвалим, отче честный *нашь самодержьче* и славный въ земельных владыкахъ...» [20, с. 124, 135]. Но вот что важно! Как раз этот список датируется началом XVI в. [20, с. 23], т. е. современен работе преподобного Иосифа над «Просветителем», а по существу, коррелирует с уже относительно твердо сложившимся к указанному времени обычаем величать великого московского князя самодержцем.

Ясным образом развитие этого обычая отражено и рассматриваемыми здесь сочинениями:

	СоЗиБ	Похвала	Поучение
1.	и възраст и укрѣпѣвъ от дѣтескыи младости, паче же възмужавъ, крѣпостию и силою съвершаяся, мужствомъ же и съмыслом прѣдъспѣа. И <i>единодержецъ</i> бивъ земли своей...	и възраст, и укрепев от детскыа младости, паче възмужав крѣпостию и силою съвершаяся, мужствомъ же и смысломъ прѣдспѣаа, и <i>единодержецъ</i> бивъ всей Руси...	възраст и укрепев от детскыа младости, паче же възмужав крѣпостию и храбростию, мужествомъ же и мудростию прѣдспѣая, и <i>единодержецъ</i> бысть и <i>самодержецъ</i> всей Руси...
2.	Тебе же како похвалим, отче честный [<i>нашь самодержьче</i>] и славный въ земельных владыкахъ, прѣмужственый Василие? Како добротѣ ти почюдимся, крѣпости же и силѣ? Каково ти благодарение въздадим, яко тобою познахом Господа и льсти идольскыа избыхом, яко твоим повелѣниемъ по всей земли Христос славится? [1, с. 142, 144–145].	Тебе же како похвалим, отче честный и славный в земельных владыкахъ, премужественый Василие? Како добротѣ твоей почюдимся, крѣпости же и силѣ? Каково ти благодарение въздадим, яко тобою познахом Господа и льсти идольскыа избыхом, яко твоим повелениемъ по всей земли Христос славится?	Тебе же како похвалим, отче честный и славный, в земных владыкахъ премужественый Василие? Како добротѣ твоей почюдимся, крѣпости же и силѣ? Каково ти благодарение въздадим, яко тобою познахом Господа и льсти идольскыа избыхомъ, яко твоим повелениемъ по всей земли Христос славится? <u>Сия убо вся твояхуся в тогданнее время и всей Руси начальство <i>самодержецъ</i> Владимир устроися; вся в веселии бяше, царская же и послушнаа.</u>

Как обнаруживает сравнение, в «Похвале» (фрагмент 1-й) буквально повторяется текст большинства списков «Слова о Законе и Благодати», тогда как «Поучение» содержит уточняющее дополнение, причем несомненно указывающее на то, что термины «единодержец» и «самодержец» сопряжены с несколько различными понятиями: первый термин синонимичен слову «единовластец» и означает лицо, сосредото-

точившее власть исключительно в собственных руках [28, вып. 5, с. 20, 22]; второй принадлежит к группе родственных слов «самодержавец», «самодержавие», «самодержавный», «самодержавство», отражающих представление об обладании не только полнотой власти, но также независимостью и неограниченностью власти [28, вып. 23, с. 36–37]. Подобный вывод подтверждается другим дополнением в тексте «Поучения» (фрагмент № 2), которое имеется и в «Похвале», но уже как дополнение к другому чтению, а именно к выдержке из летописной статьи за 996 г.:

ПВЛ	Похвала
И помолвишюся ему, рекъ сице: «Даю церкви сей святѣй Богородици от имѣнья моего и от градъ моихъ десятую часть». И положи написавъ клятву въ церкви сей, рекъ: «Аще кто сего посудитъ, да будетъ проклятъ» [22, с. 85].	И помолвишюся ему, рече: «Се даю церкви сей святыя Богородица от имени моего и от градов моих и сел десятую часть». И положи, написав, завет с клятвою в церкви: «Аще кто посудитъ или преступит, да будет анафема!» <u>Сим убо творяхуся в тогдашнее время, и вси Руси начальству самодержець Владимир устроися; вся в веселии бяше, царская же и послушная, яко убо сиа вся добре устроишася.</u>

С сожалением надо признать, однако, что данное дополнение заимствовано автором архетипа «Похвалы» и «Поучения» из «Похвального слова равноапостольным царям Константину и Елене» патриарха Евфимия Тырновского:

Сиа убо творяхуся в тогдашнее врѣмя. и миръ устроися глубокоъ. яже на христианы от мучителей престарать. и всему римьскому начальству самодръжець устроися Константинъ. и вся въ веселии быша царская же и послушная [ОР РГБ. Собр. Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304.I. № 754, XV в., л. 186]⁵.

Соответственно, содержательная ценность данного фрагмента носителем. Тем не менее все-таки важно, что древнерусский книжник использует чужой текст применительно к русскому святому: «...всей

⁵ Установивший данный факт Н.Ф. Околович соотносил, однако, текст «Похвалы» и «Поучения» с текстом «Слова о Константине и Елене», содержащимся в более поздней рукописной Четвѣй Минее за май, — ОР РГБ. Собр. МДА. Ф. 173/I. № 94, 1558 г. Л. 146–164 [21, с. 85–90].

Русии начальству самодержець... и вся в веселии бяше, царская же и послушная», — т. е. трактуя Владимира Святославича как властвующего над всеми другими обладателями власти на радость всему, что подвластно не только ему как царю непосредственно, но и его подчиненным. Любопытно, что в «Похвале» редкое употребление именованная *самодержец* применительно к личности крестителя Руси компенсируется лексемами, указывающими на его царственность и даже божественность. И уместно подчеркнуть, что эта компенсация приходится на не зависимые от прежних посвященных Владимиру текстов пассажи:

	Похвала	Поучение
3.	Сего (Христа. — В.К.) и блаженный проповеда Владимир, Сему вседушно верова и весь Того осиян бысть светом. Владимир — добляа благочестия ветвь! Владимир — апостольский ревнитель! Владимир — церковное утверждение! Владимир — идольский разрушитель! Владимир — благоверия проповедник! И что много глаголю? Владимир — <i>царская похвала!</i> Но гряди ми ныне и сам, Владимире, и слово даруй в еже о тебе начати слово. Вся бо твоя чудна! Вся твоя красна! Всяка церкви тобою украсися, вся Русская земля тобою утверждается, всяк идол тобою потреблен бысть, вера христьянская тобою утвержена бысть	Сего и блаженный проповеда Владимир, Сему вседушно верова и весь Того осиян бысть светом. Владимир — добляа благочестия ветвь! Владимир — апостольский ревнитель! Владимир — церковное утверждение! Владимир — идольский разрушитель! Владимир — благоверия проповедник! И что много глаголю? Владимир — <i>царьская похвала!</i> Но гряди ми ныне, Владимире, и слово даруй в еже о тебе начати слово. Вся бо твоя чудна! Вся твоя красна! Всяка церкви в Руси тобою украсися, и вся Русия тобою утверждается, всяк идол тобою потреблен бысть, вера христьянская тобою утверждена бысть!
4.	И по нем <i>въцарися</i> в всей Русии сын его (Святослава. — В.К.) великий князь Владимир и възраст, и укрепев...	И по нем сын его Владимир възраст и укрепев...
5.	<i>Божественниши</i> же Владимир начимати дети у лучших людей и даяти на учение грамоте. И събысться пророчество на Русети земли, глаголюще: «В оны дни услышать глусии словеса книжная и ясен будетъ язык гугнивых». Си бо людие не беша прежде слышали словеси книжнаго, но Господь Бог призре и помилова люди Своя пакы банею бытия, обновлением Святого Духа...	

6.	По сих же <i>божественный</i> Владимир създа церковь в Киеве святяя Богородица и украси ю иконами, и книгами, и всякими церковными чудными вещьми...	
7.	Седьм убо к двадесятимъ летом исполнишимся <i>царьства</i> его по божественем крещении, прочее целомудренное и честное провождаше житие, скверны всякая и нечистоты до конца очищен. Своистьвенаа же тому от Бога дарованна сия беша: <i>мужеством светел в всем, храбер душою, остр умом, мудростию слова глубок, в правосудии прав, в подаание готов, красен лицом, в бранех мужествен, на варвары велик, в междособных непобедим, в вере православной крепок и непоколеблем, в видении красен же и благовиден, радостен лицом, кроток, благоприступен, тих, зело милостив, правосуд, смирен, благоутробен, человеколюбив</i> . Вся в всех добре наказа равноапостольный Владимир, елма же свое еже к Богу отшествие разуме, радоваашеся душою и <i>царскаа</i> вся по чину ураждааше. «Не молъве, ни смущению в день моего веселия случитися, — запрещааше, — яко от тела хошу разлучитися и с Христом быти». Военачальници же Владимира, яко сия вещающа слышавше и последняя дышуща видевше. плача и рыдания вопль весь исполняаше въздух. К ним же тихым гласом доблый отвещаваше Владимир и утешительными словесы тех утешаше, душевна глаголя: «Ныне истинныя сподобистеся жизни, ныне истинную обретосте веру. В ней же и пребывайте, и стойте, и крепите, и Бог мира буди с вами!»	Седьм убо к двадесятимъ летом исполнившимися <i>царствия</i> его по божественем крещении, прочее целомудрено и честное провождаше житие, скверны всякыя и нечистоты до конца очищен. Своистьвеная же тому от Бога дарованна сия беша: мужеством светел в всем, храбер душою, остр умом, мудростию слова глубок, в правосудии прав, в подаание готов, в бранех мужствен, в междособных непобедим, в вере православной крепок и непоколеблем, в видении красен же и благовиден, радостен лицом, кроток, благоприступен, тих, зело милостив, человеколюбив. Вся в всех добре наказа равноапостольный Владимир, елма же свое еже к Богу отшествие разуме, радоваашеся душою и <i>царскаа</i> вся по чину уряждааше. Военачальници же Владимира, последняя дышуща видевше, плача и рыдания вепль весь исполняаше въздух. К ним же доблий тихым гласом глаголаше: «Ныне истинным сподобистеся жизни, ныне истинную обретосте веру. В ней же и пребывайте, и стойте, и крепите, и Бог мира буди с вами!»

Правда, действительно показательны только тексты 4, 5, 6 из приведенной таблицы. Тексты же 3 и 7 условно значимы, ибо вновь изъязыты из сочинения Евфимия Тырновского о великом императоре:

Сего и блаженный проповѣда Константинъ. сему вседушно вѣрова, и весь того осиянь быс свѣтомъ. Константинъ, добляа благочестья вѣтвь. Константинъ, апостольский ревнитель. Константинъ, церковное утверждение. Константинъ, идольский разрушитель. Константинъ, благовѣриа проповѣдникъ. Константинъ, крестьяный явитель. И что много глаголя, Константинъ царскаа похвала. Но гряди ми нынѣ и самъ Константине. И слово даруй въ еже тебѣ начати слово, вся бо твоя чудна, вся твоя красна, всяка церкви тобою украсися. Всяко царство тобою утверждается, всякъ идоль тобою потреблен быс. Вѣра христьянская тобою утвержена быс... — ОР РГБ. Ф. 304.І. № 754. Л. 175–175 об. [21, с. 85–86].

Двѣма убо къ тридесятомъ лѣтом. испльньшемся царствиа его. живота же его всего шестьдесят и шестое. проче цѣломудръно и чистое проваждааше житие. сквърныи же всякоа нечистоты до конца очищенѣ. свойственная же тому от Бога дарованнаа сия бѣша. мужствомъ свѣтель въ всем. храберъ душею. остръ умомъ. мудростию слова глубоць. в правосудии правъ. въ подаание готовъ. красенъ лицемъ. в бранех мужственъ. на варвары велиць. в междособных непобѣдимъ. въ вѣрѣ крѣпокъ и непоколѣблемъ. въ видѣни красен же и благовиденъ. радостенъ лицем... кротокъ. благоприступенъ. тихъ. зѣло милостивъ. правосуд. смиренъ. благоутробенъ. человеколюбивъ... — ОР РГБ. Ф. 304.І. № 754. Л. 212–212 об. [21, с. 87–88].

Вся всѣ добрѣ наказа равноапостольный Константинъ. елма же свое еже къ Богу ошествоие разумѣ. радовашеся душею. и царская вся по чину уряждааше «Не мльгѣв ни съмушению въ день моего веселиа случитися, запрѣщааше. яко от тѣла хощу разлучитися и съ Христомъ быти». Военачалници жи цесари яко сия вѣщающа слышавше. и послѣдняя дышуца видѣвше. плача и рыдания вопль весь испльнѣваше въздухъ. К нимъ же тисѣмъ гласомъ добльй отвѣщевааше Константинъ. и утѣшительными словесы тѣх утѣшааше душу глаголя. «Нынѣ истинныа сподобистася жизни. Ныне истинную обретосте вѣру. въ ней же пребывайте и стойте. и крѣпитесь. и Богъ мира буди съ вами!» — ОР РГБ. Ф. 304.І. № 754. Л. 213–213 об. [21, с. 88].

Несомненно, подобное, хоть и чужими словами, превозношение в «Похвале» и «Поучении» личности святого киевского князя обусловлено было новыми речевым и поведенческим стереотипами, сложившимися при дворе Ивана III Васильевича к концу XV в. (напомню, что именно в 90-е гг. этого столетия его начинают последовательно называть самодержцем [7, с. 149]). Теперь привычный ретроспективный взгляд на настоящее усложнился, т. е. давно минувшее стали рассматривать и оценивать через призму современности, но вместе с тем и современность через соотнесение с былым обретала совсем иную значимость — значимость, пронизанную идеей законной наследственности и преемственности. В этом отношении весьма ценным примером является «Изложение Пасхалии» митрополита Зосимы. И здесь уместно будет подробнее рассмотреть соответствующее место из этого сочинения:

И бысть, по прехождении лѣтъ, *прослави Богъ* православнаго перваго царя *Конъстянтина* и показа ему свыше на небеси знамение честнаго креста, *одолюние и побѣду на врагы*, якоже и бысть; онъ же приать *скипетръ, непобѣдимо оружие* — православную вѣру Христову, и побѣжаа вся врагы, и *покори подѣ нозѣ свои вся съпостаты, и вѣру православную Христову утверди*, по апостольскимъ преданиемъ, и *еретичьствующихъ на православную вѣру отгна, яко волкы*, и нареченъ бысть равень Апостоломъ. И Божию волею сътвори градъ въ имя свое и нарече и градъ Константинь, еже есть Царьградъ, и наречеса Новый Римъ; и болма простреса православнаа вѣра Христова *по всей земли*.

По сихъ же лѣтѣхъ *изъбра себѣ Господь Богъ* отъ идолопоклонникъ съсудь чистъ, благовѣрнаго и христоролюбиваго великаго князя Владимира киевскаго и всея Руси, иже испытавъ о вѣрахъ, и приимъ отъ Константина награда, яко щить непобѣдимъ въ сердци си, православную вѣру Христову и крестися святымъ крещениемъ въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, идолы же съкруши, и невѣрныя въ вѣру приведе, и просвѣти *всю русскую землю* святымъ крещениемъ, и приемъ отъ Бога *оружие непобѣдимо, одолуние на врагы, и покори подѣ нозѣ свои вся съпостаты, и утверди православную вѣру, яже въ Христа* Бога, и нареченъ бысть *вторый Константинь*.

И нынѣ же, въ послѣдняя сиа лѣта, якоже и въ перваа, *прослави Богъ* сродника его, иже въ православии просиавшаго, благовѣрнаго и христоролюбиваго великаго князя Ивана Василевича, государя и самодержца всея Руси, *новаго царя Константина* новому граду Константину — Москвѣ, а *всей русской земли* и инымъ многимъ землямъ государя, якоже и Господь рече: «прославляющихъ мя прославлю», и прославися имя его и слава по всей вселеннѣй, и предасть ему Господь Богъ *скипетръ, непобѣдимо оружие на вся врагы*, и невѣрныя *покори подѣ нозѣ его, и вся съпостаты* предасть ему Господь Богъ въ руцѣ его: *и вѣру православную, яже въ Христа Бога, утверди, еретичьствующихъ же на православную вѣру Христову отгна, яко волкы* [31, с. 57–60].

Совсем нетрудно заметить, что в своих трех абзацах Зосима не только прямо обозначает связь самодержца Ивана Васильевича через его предка Владимира Святославича с Константином Великим; он еще подчеркивает таковую, указывая на параллелизм и тождество совершенных всеми тремя властителями деяний, а также прибегая — и, несомненно, намеренно — к лексическим и фразовым повторам

(см. выделенное курсивом), т. е. стилистически подводя читателя к нужной ему мысли о восприятии московским государем высокого достоинства от его святых предшественников и его равной с ними богоназначенности для столь же великих свершений.

Однако, понимая, что речь о Иване Васильевиче III и, шире, о восприятии феномена верховной власти в Московском государстве зашла здесь лишь постольку, поскольку затронут был вопрос о вспышке нового интереса к личности просветителя Русской земли как раз в период появления «Похвалы» и «Поучения», следует все же вернуться к этим произведениям.

Оба памятника, как уже сказано, содержат пассажи с размышлениями о личности и значении Владимира Святославича для Русской земли (фрагменты 3–7). Если рассматривать их в контексте уже сложившейся провладимирской панегирической и гимнографической традиции, то содержащиеся в них суждения — вроде бы идейно новые — не отличаются новизной, нова лишь их словесная структура, и та, как выяснилось, преимущественно заимствованная. По смыслу все уже было сказано на тему славления Святого. Так, согласно фрагменту 3, он — *зачинатель праведности на Руси* («добляа благочестия ветвь»), *продолжатель дела апостолов* («апостольский ревнитель»), *устроитель церковной жизни* («церковное утверждение»), *победитель язычества* («идольский разрушитель»), *вероучитель* («благочестия проповедник»), *восхваляемый как царь* («царская похвала»). И на следующем витке похвалы повторяется, но описательно, почти то же самое: сказано о *духовном значении Святого для всей Русской Церкви* или же о *его повсеместном почитании* («всяка церкви тобою украсися»⁶) — как *источника могущества Руси* («вся Русская земля тобою утверждается») и *опоры веры христианской* («вера христьянская тобою утвержена бысть») в *деле преодоления народных религиозных традиций* («всяк идол тобою потреблен бысть»). Оживляет эти плагирированные и переадресованные дифирамбы разве что констатация, прямая по форме, фигуративная по сути и тоже изъятая извне, что князь после себя оставил чудесное, т. е. удивительное, и исполненное красоты наследие: *вся бо твоя чудна, вся твоя красна* (фрагмент 3).

⁶ Место семантически мало определенное: то ли здесь речь идет о всей Русской Церкви, которую благоукусил Владимир, то ли подразумеваются отдельные русские храмы, украшением которых были иконы Владимира.

Между прочим, указание на созданную Владимиром гармонию русского мира вполне созвучно выше цитированному размышлению Иосифа Волоцкого.

Повторяются в «Похвале» и «Поучении» и давние положения о просветительстве великого киевского князя через создание школ и храмов (фрагменты 5 и 6). Как видно, составитель архетипа этих двух произведений — умелый компилятор, стремящийся подобрать суждения, выражающие разные уровни славления. Так, если в отступлениях 3–6 Святой воспевается как деятель, наилучшим образом послуживший Руси, то во фрагменте 7 посредством эпитетных комплексов оценены личностные свойства Владимира Святославича, присущие ему при жизни: *его ум и нравственные качества* («...остр умом, мудростию слова глубок... в видении красен же и благовиден, радостен лицом, кроток, благоприступен, тих... смирен, благоутробен...»), *его отношение к подданным* («...в правосудии прав, в подаание готов... зело милостив, правосуд... человеколюбив...»), *его внешность* («...красен лицом...»), *его характер, черты лидера* («...мужеством светел в всем... храбер душею... в бранех мужествен, на варвары велик, в междособных непобедим...»), *сила его веры* («...в вере православной крепок и непоколеблем...»). Вместе с тем здесь описаны частные действия, раскрывающие в князе свойства рачительного хозяина своей земли. Так, почувствовав приближение смерти, он «вся в всех добре наказа... *...царская* вся по чину ураждааше... утешительными словесы тех (военачальников. — В.К.) утешааше». В общем, все эти качества: *разумность, радушие, смирение, воздержанность, милосердие, справедливость, решительность, искренность веры, забота о людях* — так или иначе освещались в прежних, посвященных крестителю Руси текстах, начиная с Илариона и кончая богослужебными песнословиями. Автора архетипа «Похвалы» и «Поучения» можно только похвалить за вкус. У Евфимия Тырновского он взял пассажи, отличающиеся богатством и разнообразием лексико-стилистической спецификации достоинств восхваляемого лица, сконцентрированностью, сгущенностью, многоплановостью, панорамностью его литературной презентации. Компилятор явил взору читателя идеальную для подражания фигуру правителя и царя, таящую в себе и вместе с тем открывающую собой и христианские представления, и народные чаяния о том, каким должен быть на самом деле власть имущий.

«Похвала» и «Поучение», однако, наряду с общими для них отступлениями от нарратива, содержат еще и фрагменты, присущие каждому произведению в отдельности, но также текстуально новые по отношению к предшествующей провладимирской литературной традиции.

В «Похвале» таким фрагментом является пассаж, предваряющий окончание всего текста («Хвалит же похвальными гласы... насяев книгами Божественаго писания, от нихже жнуть русстии сынове полезныя класы покаяния, и друзи, иже ядят нескудную пищу в Царствии Небеснем, еяже трапезы да сподобимся и мы, грешнии и недостойнии, кающесе о своих съгрешениих, славяще Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и в веки веком. Аминь»), которое аналогично в основе окончанию — с хайретизмами Святому — из проложного жития и его редакций: обычной и 1–3 распространенных [19, с. 442–443, 449–450, 459–460]. В нем, на мой взгляд, прежнее постепенное развитие славословного орнамента — спиралеподобного по структуре, репетитивного по содержанию и вариативного лексико-стилистически — достигает своего риторического апогея. Правда, опять-таки это не заслуга неизвестного древнерусского грамотника, ибо он вновь воспользовался гомилией Евфимия Тырновского:

	Слово о Константине и Елене	Похвала	Поучение
8	Сицево житие великаго цесаря. сицева исправления добляго Константина <...> сицевая мужьства о Бозѣ и о правѣй подвижавшагося вѣрѣ. сирьих заступника. печальных утѣшителя. вдовицамъ кормителя. благочестиа поборника. уяснителя истиннѣ. Иже якоже <...> другый Павелъ. своими вселеную утвержаа писаньми мучителя низлагая вѣру възмагая. церкви утверждаа. языки покаяря. вселеную съблюдая. идолы низлагая. благочестие насаждая.	Сицево житие и исправление великаго и добляго, равнаго апостолом Владимира; сицеваа мужьства о Бозе и о правей подвижавшагося вере, сирьих заступника, печальных утешителя, вдовицамъ кормителя, благочестия поборника, уяснителя истинне, иже в всей Русии, якоже второй Павел, утверждаа писаньми, мучителя низлагаа, веру възмагаа, церкви утверждаа, языки покаяря, землю свою съблюдая, идолы низлагая, благочестие насаждая.	

<p>Не обрѣтаю. достойнолѣпно имя Константину положити. не живет бо на земли. на небесѣхъ водваряется. съ ангелы ликоствуетъ. съ архагелы трисвятого гласа въспѣвааетъ пѣние. Утрудихся плеты Коньстантину вѣнецъ. его же Отець исплете. и Сынъ вѣнча и Святый Духъ съврѣши. Кто не вожделѣть иже благодатию почтенному <...> взвеселися убо вся земля <...> яже преже от благодестиа запустѣвшиа. и да процвететь и отцвететь яко кринь. Да укрѣпятся руки раслабленныа. и колѣна раслабленнаа да утѣшатся. малодушнии мыслию укрѣпитесь и не бойтеса. Се бо Богъ нашъ суд здасть. Самъ прииде и спасе нас. Господь Богъ всели правду и радование предъ всѣми языки. Сия вся благаа Константинъ вселеную исплѣни. подвигъ добрый повизася. течение сконча. вѣру съблюде. — ОР РГБ. Ф. 304.1. № 754. Л. 214, 214 об., 215, 215 об.</p> <p>Тѣмже и в премирныа вселися чины. в горний Ерусалимъ. в Сионъ гору небесную. въ град живаго Бога. въ тмы аггелскы и съборъ. в церковь пръвѣ-</p>	<p>Не обретая достойнолѣпно имя Владимиру положити, <u>не живеть бо на земли, на небесехъ вѣдваряется, со ангелы ликоствуетъ, с архагелы трисвятого гласа въспеваеть пение.</u> Утрудихся плетый Владимиру венець и от съверѣшеного далече отстоя, венець, егоже Отець исплете, и Сын венча, и Святый Дух съверѣши. Кто не въждеетъ иже благодатию почтенному? Кто не прославить <u>прославленнаго от Бога?</u> Ныне да возвеселится Русскаа земля вся, яже преже от благодестиа запустевшиа, и да процвететь и отцвететь яко крин! Да укрепятся руки раслабленныа и колена раслабленнаа, да утешатся малодушнии! Мыслию укрепитесь и не бойтеса! Се бо Бог нашъ суд въздаст; Сам прииде и спасе нас, Господь Богъ всели правду и радованье предъ всеми языки. Сия <u>вся благаа Владимир землю свою исползни, подвиг добрый подвизася, течение сконча, веру съблюде.</u></p> <p>Темже в премирныа вселися чины, в горний Иерусалим, в Сион гору небесную, в град живаго Бога, во тмы анггелскихъ събор, в церковь перъвенець, написанныа их на небесех, в яже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не</p>	<p>Темже и в премирныа вѣселися чины, в горнии Иерусалимъ, в Сион, гору небесную, в град живаго Бога, в тмы анггелскихъ събор, в церковь перъвѣ-</p>
---	---	--

<p>нець написанныхъ на небесех. въ яже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человеку не възыдоша. отнюду же нас назираеть.и съ нами невидимо тръжествуетъ. и вся иже зде днесь съшедшуюя веселить — ОР РГБ. Ф. 304.1. № 754. Л. 215 об. — 216 [18, с. 89–90].</p>	<p>въздыдоша, отнюду же и нас назирает, и с нами невидимо торъжествует, и вся, иже зде днесь сшедшаяся, веселить. Хвалит же похвальными гласы... Аминь.</p>	<p>нець написаных на небесех, в яже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не възыдоша, отнюду же и нас назирает, и с нами невидимо торъжествует, и вся, иже зде днесь съшедшаяся, веселит. Хвалит же похвальными гласы...</p>
---	---	---

Это — комбинация эпитетных и именных, дескриптивных прямых и перифрастических характеристик Святого, разноуровневое и разноаспектное размышление о его земном и небесном бытии, о его реально историческом и реально духовном, мистическом значении для Руси, Русской Церкви и всего народа. В рамках «Похвалы» это, несомненно, кульминационный виток полифонического славения князя. И естественно, что в нем, как в заключительной песне, звучат все старые величальные мотивы, только опять-таки облеченные в совсем новые или в несколько подновленные словесные ризы, — да, плагиированные, но все же, должно признать, мастерски скомпонованные.

Что касается подновленных формул, то думается, они совокупно с подобными им формулами из других риторических отступлений (примеры 3–7, выделенное курсивом) удивительным образом перекликаются с выражениями из стихир, тропарей, икоса первого и отчасти второго песенных последований в память о Владимире, например таких, как: «истинный же проповѣдатель»; «апостол Христовъ»; «идолы разрушивъ попра»; «от лица днесь Василия веселяхуса»; «его яко Павла»; «руская похвало»; «начальника благочестью»; «проповѣдника вѣрѣ»; «апостоломъ равного»; «Христовъ воине прехрабрый»; «томителя врага до конца погубив»; «яко втораго Павла»; «начальнику и корени вѣры»; «идолом разрушителю»; «равноапостолне»; «апостоломъ ревнителя»; «вожда правовѣрия»; «великый и мудрый»; «крѣпкоразумнаго»; «вѣрнымъ наставнице»; «апостола Паула ревнитель»; «безаконныя лъсти потребителю»; «славный мудрый»; «просвѣщение земли Рустѣй»; «побѣдитель на видимыя и невидимыя враги» (см. службу Владимиру⁷).

⁷ Миняе служебная: Июль. М., 1629. Л. 214–229 об.

Это неожиданно, поскольку трудно предположить знакомство париарха Евфимия, чье сочинение об императоре Константине и его супруге Елене использовано создателем архетипа «Похвалы» и «Поучения», с богослужебными текстами, воспевающими Владимира Святославича. Разве что последние составлялись под сильным влиянием со стороны каких-то гимнов балканского происхождения. Впрочем, определенно судить об этом пока еще не представляется возможным.

Новые же словесные конструкции в этом последнем рефлексивном разделе (пример 8, подчеркнутое) отражают нацеленность гомилаета на конкретизацию и детализацию оценок былого (прижизненного, дольнего) и актуального (посмертного, горнего), но всегда неизменного соучастия Святого в жизни русского общества. Это, несомненно, апофеоз обобщения всего церковного предания о великом князе Владимире Святославиче как крестителе и просветителе Руси, преобразившем ее и затем, уже по водворении в Небесном Иерусалиме, таинственно взявшем на себя вековечную и неизбывную попечительную заботу о ней ради торжества и ликования своего народа во благоденствии. И как жаль, что это изначально чужой текст, лишь перенаправленный на личность русского идеального правителя!

«Поучение» тоже содержит текстуально особенный, своеобразный пассаж. Структурно он выглядит как прибавка к фрагменту, завершающему текст «Похвалы»:

Похвала	Поучение
Хвалит же похвальными гласы Римская страна <...> насаев книгами Божественнаго писания, от нихже жнуть рустии сынове полезныя класы покаяния, и друзи, иже ядят нескудную пищу в Царствии Небеснем, еяже трапезы да сподобимся и мы, грешнии и недостойнии, кающся о своих съгрешениих, славяще Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и в веки веком. Аминь.	Хвалит же похвальными гласы Римская страна <...> насаев святыми книгами, от нихже жнут рустии сынове полезныя рукояти покаяния и друзии уже ядят нескудную пищу во Царствии Небеснем. Похвалим...

Далее в «Поучении» читается довольно пространное заключение. В жанровом отношении оно представляет собой молитву, которая начинается фразой из «Слова о Законе и Благодати», — «Похвалим же и мы по силе нашей малыми похвалами великаа и дивная сътворшаго

нашего учителя и наставника равного апостолом блаженаго Владимира, новаго великаго Константина. Он в еллинех и в римленех царство Богу покори, ты же, блаженниче, — подобно в всей Руси». Содержание же следующего затем обращения к Богу («Един Бог и Отец всех, иже тако благоизволи и въсхоте всех нас едино быти...»), как установил еще Н.Ф. Околович, тоже в значительном объеме заимствовано: частью непосредственно из «Поучения Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна (13 ноября)» («Един Бог <...> И хвалимся паче о надежди будущих благых, даемых нам, яже бо дана будут нам непреложна без ответа в славу Божию» [21, с. 90–92])⁸, частью оттуда же или из «Слова о Константине и Елене» Евфимия Тырновского («Обаче же, о Владыко Христе Боже наш <...> Благоверному и христоробовому великому князю нашему и верному рабу Своему на супостаты победу даруи» [21, с. 92–94])⁹, и частью только из евфимиевской гомилии («Даи же ему здравие крепко и целбу непоколеблему <...> Даже о Тебе, Цари нашемь и Бозе, веселящися, прославляем Тя, подателя всемь благымь, с безначальным Ти Отцем и с Пречистым, и Благым, и Животворящим Духом Твоим ныне и присно и в веки веком. Аминь» [21, с. 94–95]). Понятно, что эта компиляция лишена значимых характеристик Владимира Святославича — прежде всего потому, что составлена из инородных текстов, да и ввиду ее иного назначения. В ней исповедуется Единый Бог, объединивший «всех нас» в любви к Нему и в мире между собой, и Господь Иисус Христос, даровавший нам веру, милость, прощение, свободу и спасение, дабы мы явили прилежное («опасно» [28, вып. 13, с. 9]) житие и радовались («только

⁸ Околович почему-то называет это сочинение «Словом на память Иоанна Златоуста», хотя в указанной им рукописи обозначено именно авторство святителя. С такой же атрибуцией гомилия была включена и в Великие Минеи Четвы (см.: Великие Минеи Четии. Ноябрь: дни 13–15. СПб., 1899. Стб. 890–898). Вероятно, ее текст является псевдоэпиграфическим, ибо среди подлинных сочинений святителя Иоанна такового нет (*Иоанн Златоуст. Толкование на Евангелие от Иоанна. М.: Сибирская Благовонница, 2010. 420 с.*), а в известном каталоге гомилий святителя, бытовавших в славяно-русской книжной среде, он хоть и отмечен как содержащийся в ВМЧ, но издатели последнего при этом никаких пояснений не сумели дать [8, с. 118].

⁹ Авторство Евфимия Тырновского по отношению к этому произведению определенно не доказано, но под его именем оно встречается еще и в Торжественниках [33, с. 375].

бо еще... хвалимся»¹⁰) в надежде на будущее *наше* возблагодарение. Затем в молитве говорится о Христе как главе основанной Им Церкви с разъяснением Его ипостасной природы и с призывом к Нему дать *нам* возможность праздновать «присносвятого Твоего и равного апостолом Владимира память» и вместе с ним вспоминать православных царей и пастырей, прославленных Христом за укрепление веры и просвещение народа, дабы *мы* тоже сподобились «молитвами их и молении, паче же почитаемого ради днесь светильника и наставника нашего Владимира и по духу отца нашего, равного апостоломъ, непорочно и невредимо жити» и, как они, обрели от Христа благодать и милосердие. Молитва также содержит прошение ко Христу о великом князе и всех православных.

В целом, эта пространная эвхология, бесспорно, имеет характер самостоятельного компилятивного произведения и должна рассматриваться отдельно. И вот почему.

Раз уж рефлексивные разделы «Поучения», как и «Похвалы», оказались изъятыми из «Слова о Константине и Елене» Евфимия Тырновского, естественно предположить, что и данная молитва взята оттуда же. Но нет, она отсутствует и в списке Слова по сборнику XV в. (ОР РГБ. Ф. 304.I. № 754. Л. 174–216), и в списке Четвѣй Минеи 1558 г. (ОР РГБ. Собр. МДА. Ф. 173.I. № 94. Л. 146–164). Правда, ее последняя часть («Обаче о владыко...») обнаруживается в «Евангелии учительном» XVI в. (ОР РГБ. Собр. МДА. Ф. 173.I. № 13. Л. 575–576 об.), но просто как примыкающая к уставным указаниям относительно чтения «Слова о Константине и Елене» и, соответственно, начинающаяся с киноварной заглавной буквы “О” сразу за пояснением «Та же. Рцы се конец поучения». Любопытно, что такой же текст, причем оформленный аналогично, обнаруживается и в составе «Поучения Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, только воспроизведен с некоторым сокращением (МДА. № 13. Л. 756 об. — 757 об.). Между прочим, и в Волоколамском сборнике его начало тоже выделено киноварью (ОР РГБ. Ф. 113. № 659. Л. 385 об.).

Как видно, все же вернее отделять всю эвхологию от «Поучения». Однако А.С. Усачев, считая ее неотъемлемой частью «Поучения» и по-

¹⁰ «Хвалитися» — торжествовать (Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: Труд И.И. Срезневского. Т. III: Р-Я и Дополнения. СПб., 1912. Стб. 1364).

лагая, что фраза из ее просительной части — «Исполгни *его* долгогою дний и даруй *им* видети сыны сынов своих и *о немь* паки сыны сынов на устроение и утверждение наследию твоему!» — есть «намек на бездетность Василия III», чей наследник «появился» только во втором браке, незадолго до смерти князя, соответственно, датирует все произведение первой четвертью XVI в. [32, с. 18]. При этом, если следовать логике мысли историка (замечу, явно и четко не сформулированной), это могло произойти между 21 января 1526 г., днем венчания Василия Ивановича с Еленой Васильевной Глинской, и 25 августа 1530 г., днем рождения у них первенца Ивана, т. е. уже по завершении первой четверти столетия. Вроде бы подобный ход рассуждения правомерен. Но только применительно именно к молитве, а не к поучению в целом. Кроме того, уважаемым исследователем, к сожалению, допущена ошибка: он неправильно понял трактуемую им фразу, оторвав ее смысл от окружающего ее текста и неверно восприняв значение местоимений. В самом деле, ведь она, фраза, является частью прошения ко Христу — и не только о князе, но и о подвластном ему народе:

Благоверному и христороубовому великому князю нашему <...> на супостаты победу даруй. Дай¹¹ же *ему* здравие крепко <...> Дай же глаголы блага в сердци *его* о Церкви Своей и о всех людех Своих. Даруй *ему* мирно царствие и *боляря его* <...> в вере <...> съхрани. *Воя его* в всех языцех супостатных <...> укрепи. Исполгни *его* долгогою дний и даруй *им* [боярам и воинам. — В.К.] видети сыны сынов своих и *онемь* [не “о нем” (“о немь»), а “о нем”, т. е. *тем*. — В.К.] паки сыны сынов на устроение и утверждение наследию Твоему! Въздай же *им* <...> Даруй *им* <...> *Люди Своих* в целомудрии <...> пребывати настави. *Всех* шедшихся на святой сий праздник <...> Владимира <...> князя и *люди, архиереа же, иереа, воя и препростыя иноки же и белца, мужа же, и жены, и всякый възраст* помилуй и посети, съхрани и съблюди выше всякого находа и злобы борющихся и нападающих на нас видимыя и невидимыя врагы. Даже о Тебе, Цари нашемъ и Бозе, веселящеся, прославляем Тя, подателя всемь благымь, с безначальным Ти Отцем и с Пречистым, и Благым, и Животворящим Духом Твоим ныне и присно и в веки веком. Аминь.

¹¹ С этого места и до конца текст читается только в рукописях Волоч. № 659, л. 386 об. — 387 об. («Поучение») и МДА № 13, л. 575 об. — 576 об. («Слово о Константине и Елене»), по времени возникновения очень близких.

Даже если этот изначально не русский по происхождению текст и был использован применительно к русским реалиям, все же нет никаких оснований думать, что содержащееся здесь прошение о сынах подразумевало именно чаемое деторождение Василия Ивановича. Ведь, как очевидно, оно, прошение, касается благоустройства всех, кто почитает святого: в «Поучении» — это Владимир, в «Слове» — Константин и Елена, а в гомилии Иоанна Златоуста — некий «благоверный царь наш».

Уместно также отметить еще одну особенность данной эвхологии. Кажется, весьма значимо и показательно, что в просительной ее части наряду с князем не упомянуты его супруга и ближайшие родственники, тогда как церемониал дворцовой жизни требовал этого неукоснительно. Правда, эта деталь имеет бесспорное значение, если признать правоту однажды высказанного, но ничем не подтвержденного мнения о русском происхождении всей молитвы¹². Но даже если она, будучи инородной, лишь приспособлена к русским реалиям, определенный смысл в таком умолчании имеется. Дело в том, что на Руси с древности практиковался чин возгласения здравии государю, по протоколу или правилам которого необходимо было обязательно вспомнить вместе с государем и самых близких к нему лиц. Известен, в частности, «чинъ за приливокъ о здравии царя» Ивана IV Васильевича, относящийся, несомненно, уже к тому времени, когда его первая жена Анастасия отошла ко Господу (7 августа 1560 г.):

Чаша государева, царя, великаго князя Ивана Васильевича всея Росии. Дай Богъ здрава быть царь государь нашъ, князь великий Иванъ Васильевичъ, самодержецъ всея Росии, на многа лѣта и съ его благовѣрною царицею, великою Марьею, и своими Богомъ дарованными чады, а съ нашими государи царевичи, Иоаномъ и Феодоромъ, и с братиею, благовѣрными князи Георгеемъ и Владимиромъ, и съ бояры, и с христоробивымъ воинствомъ, и з доброты и со встми православными христианы. Подай же ему, Господи, государю, чего у Господа Бога желаетъ благыхъ, иже къ

¹² Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 году (ныне находящихся в библиотеке Московской духовной академии). Вып. второй / Труд о. наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архим. Леониды. М., 1887. С. 26.

пользѣ душевнѣхъ и тѣлеснѣхъ по вся дни царства его на многа лѣта. Чтобы Господь Богъ избавиль, и Пречистая Богородица, и великие чудотворцы, царя государя великого князя и все православие... отъ всѣхъ враговъ видимѣхъ и невидимѣхъ. А царя государя бы нашего рука высока была надъ всѣми супостаты и царство бы его государево исполниль Богъ всякия благодсти...¹³.

Прежде всего, уместно отметить некоторую лексическую и целевую переключку между двумя текстами. Факт таковой, как минимум, указывает на их обоюдную причастность к определенным, общим по задачам, традициям. При этом в сравнении с текстом чина просительная часть молитвы ко Христу в списке «Поучения» выглядит неполно. И это как раз показатель. На мой взгляд, отсутствие в ней прошения о супруге, детях и братьях князя может иметь отношение к будущему царю Ивану IV, точнее ко времени, когда он был еще младенцем, когда у него еще не было младшего брата Юрия (родившегося в 1532 г.)¹⁴ и тем более не было жены и когда молиться имело смысл только за него одного.

Таким образом, примыкающая к «Поучению» эвхология могла быть создана и при этом должна была быть актуальной — особенно при вставке необходимых имен — именно в самом начале 30-х гг. XVI в. Скорее всего, она составлена русским автором и, по всей вероятности, предназначалась для чтения на молебне святому крестителю Руси в день его памяти. Вполне допустимо предположить также, что такой молебен удобнее всего было совершать в храме во имя святого Владимира, который был построен в Москве Алевизом Фрязиным по распоряжению великого князя Василия III Ивановича на Ивановской горке в 1514–1516 г.¹⁵. Интересно, что его кирпичный ансамбль (сохранился до наших дней) заменил собою деревянное здание домово́й Владимирской церкви, устроенной еще Василием I Дмитриевичем

¹³ Никольский К., *прот.* О службах Русской Церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885. С. 242–243.

¹⁴ Кстати, упоминание о нем в цитированном чине указывает на то, что такой составлен был до 24 ноября 1563 г. — дня смерти Юрия Васильевича.

¹⁵ Историческое известие о всех церквах столичного города Москвы, собранное из показаний духовенства и начальства... / изд. Льва Максимовича. М.: Унив. тип., 1796. С. 24; Указатель московских церквей / сост. М. Александровский. М., 1915. С. 6.

в начале XV в. при Летнем княжеском дворце¹⁶ [27, с. 411]¹⁷. Остается только сожалеть об отсутствии каких-либо сведений относительно первых священнослужителей и обрядовых традиций этого храма, так что предположение о причастности всей эвхологии к его обиходу подтвердить, даже косвенно, нечем. Однако сам статус Владимирской церкви, когда-то великокняжеской, и весьма реальная возможность совершения в ней молебнов во славу святого Владимира, просветителя Русской земли, вполне можно считать косвенным подтверждением связи рассматриваемой эвхологии, включая и молитву о некоем великом князе, с духовным попечением о сыне Василия Ивановича Иване, прямом потомке и наследнике Владимира Святославича.

Итак, рефлексивные пассажи, обогащающие фактографический нарратив «Похвалы» и «Поучения», вполне показательно обличают составителя их общего архетипа как весьма искусного компилятора. Все стилистические особенности своих источников он бережно сохраняет: лексические повторы (анафоры и эпифоры), повторы грамматических форм, цепочки синонимических выражений, глагольные рифмы, ассонансы, апострофы в виде вопрошаний и восклицаний, синтаксический параллелизм, — все это (см. примеры 3, 7, 8) ритмизованное и орнаментальное плетение он умело перенаправляет на личность Владимира Святославича. При этом, очевидно, ему присуще чувство меры: все-таки из своего источника он заимствует панегирические пассажи, сокращая их, — так, чтобы не придать своему варианту текста затяжной и утомительный характер, а, напротив, обеспечить его ощутимыми динамичностью, экспрессивностью и, соответственно, способностью притягивать внимание читателя или слушателя. Тем самым отлично выполня-

¹⁶ Историческое описание церкви во имя св. равноапостольного и благоверного князя Владимира, что в Садах, в Москве, близ Солянки, с приложением краткого очерка жизни св. Владимира и крещения Руси [Текст]: ко дню 900-летия крещения Руси, 988–1888 / сост. А. Знаменский и Д. Тимковский. М.: Тип. И.И. Родзевича, 1888. С. 7–9.

¹⁷ Между прочим, не исключено, что этот домовый храм был устроен и освящен во имя Владимира Святого по благодарной памяти Василия Дмитриевича к своему знаменитому двоюродному дяде Владимиру Андреевичу Храброму, как раз умершему в 1410 г., погребенному в Московском Архангельском соборе и неоднократно делом являвшему свою верность Москве и в последний раз в 1408 г., когда он возглавил оборону столицы от орды хана Едигея [23, с. 373–389].

лись надлежащая коммуникативная и идейно-эстетическая функции хвалебствия и славления.

В этой связи необходимо возразить досточтимому и приснопоминаемому академику Д.С. Лихачеву. В одном из своих трудов он коснулся стиля «Книги степеней царского родословия», характеризуя его как официальный и церемониальный, обусловленный нарочитой идеализацией прошлого и отражающий новую эстетику эпохи XVI в. Этому стилю уже не присуща та экспрессия, «которая отличала творения Епифания Премудрого», его «пышный и официальный этикет» разочаровывает «своим однообразием». В подтверждение своего мнения ученый процитировал фрагмент из жития святого Владимира Великого:

Сий Владимир — апостольский ревнитель! Сий Владимир — церковное утверждение! Сий Владимир — идольский разрушитель! Сий Владимир — благоверия проповедник! Сий Владимир — царская похвала! Вся того правоверная исправления — дивна! Того вся благочестивая проповедания — красна!

На вкус Д.С. Лихачева, подобное однообразие есть «излишество» [17, с. 167–169]. И действительно, если прилагать его отзыв к тексту всей «Степенной книги» и, в частности, рассматривать приведенную цитату в контексте включающего ее весьма пространный риторического вступления к житию крестителя Руси¹⁸, то следует признать без каких-либо оговорок правоту исследователя. Но при этом очевидно, что приведенная им цитата казалась ему вышедшей из-под пера самого составителя «Степенной», тогда как в действительности она является извлечением из более раннего сочинения — либо «Похвалы», либо «Поучения», где она так же читается в составе риторического пассажа, только значительно более краткого, и потому выглядит более органичной для жанра гомилии, более выразительной и живой:

Благословен Господь Бог Израилев, Бог христианский, яко посети и сътвори избавление людем Своим, яко не презре твари Своя до конца идольским омрачением погыбнути, но оправди прежде племя Авраамле

¹⁸ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, первая половина: Книга степенная царского родословия, часть первая. С. 58–60.

скрыжалми и законом, последи же Сыном Своим вся язык спасе Евангелиемъ и крещением и въводя в обновление пакубытия в жизнь вечную. Да хвалим убо и прославляем хвалимаго от анггел беспрестани и поклонимся Ему, Емуже беспрестани поклоняются херувими и серафими, начала и господьствия, власти же, и престолы, и силы, но и все святых сословие немолъчное въспевають славословие и от присносущнаго Его света лучами несказанными озаряются, и Егоже Моисий провозвести, и пророци прорекоша, апостоли осязаша, мученици исповедаша. Сего и блаженный пропевада Владимир, Сему вседушно верова и весь Того осиян бысть светом. *Владимир — добляа благочестия ветвь! Владимир — апостольскый ревнитель! Владимир — церковное утверждение! Владимир — идольскый разрушитель! Владимир — благоверия проповедник!* И что много глаголю? *Владимир — царскаа похвала!* Но гряди ми ныне и сам, Владимире, и слово даруй в еже о тебе начати слово. *Вся бо твоя чудна! Вся твоя красна!* Всяка церкви тобою украсися, вся Русскаа земля тобою утверждается, всяк идол тобою потреблен бысть, вера христьяньскаа тобою утвержена бысть [32, с. 31, 39].

При этом весь цитированный текст скомпонован из заиствованных: его начало, от слов «Благословен Господь» до слов «херувими и серафими», изъято из «Слова о Законе и Благодати» [1, с. 122], а следующий текст, от слов «начала и господьствия» до конца, помимо «Похвалы» и «Поучения», обнаруживается еще, но с иной адресацией, в выше упомянутом Слове о Константине и Елене Евфимия Тырновского (ОР РГБ. Ф. 304.1. № 754. Л. 174 об., 175–175 об.)¹⁹. Таким образом, явленное в этом фрагменте красноречие, вопреки мнению Д.С. Лихачева, никак не связано с официальным стилем русской литературы XVI в. Формально оно тождественно эмоционально напряженному искусству «плетения словес»; по существу же выражает круг идей, выработанных всем посвященным Владимиру Святославичу книжным преданием, включая и гимнографические тексты²⁰; и в целом направлено на формирование иконного

¹⁹ Околович приводит его по другому списку [21, с. 85–86].

²⁰ Возможно также и какое-то влияние на литературное предание о Владимире со стороны народной памяти, зафиксированной былинными песнями. Во всяком случае, именно в эпоху образования великорусской народности, объединения северных русских земель вокруг Москвы и формирования централизованного русского государства окончательно складывается цикл эпических сказа-

лика идеального правителя, родоначальника самодержавия на Руси, небесного защитника русского государства и отца русской святости. Казалось бы, сей долгий процесс достиг своего логического завершения в «Похвале» и «Поучении». Новых идей и новых изобразительно-стилистических средств их выражения у составителя архетипа этих двух текстов уже не нашлось, он смог проявить себя только на поприще литературной компиляции, но при этом, в силу прекрасного владения приемами текстуальной комбинаторики, изваял рельефную и незаблемую скульптуру правителя, которому как образу праведности и надлежит подражать и уподобляться и на помощь которого как на источник мудрости и ограждающей силы следует уповать всем наследникам его земной власти. Должно отметить и историко-литературное значение отразившегося в «Похвале» и «Поучении» архетипного текста. Дело в том, что последний прямо был использован при составлении жизнеописания Владимира Святославича, включенного в «Книгу степеней царского родословия». Впрочем, это тема отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Акентьев К.К. «Слово о Законе и Благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси. Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН И. П. Медведева / под ред. К.К. Акентьева. СПб.: Византинороссика, 2005. С. 116–152.
- 2 Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510 х гг. СПб.: Российская национальная библиотека, 2010. 390 с.
- 3 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 608 с.
- 4 БЛДР. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 548 с.
- 5 Воронин Н., Орлов А.С. Введение: литература времени образования национального Русского государства (1460-е — 1530-е гг.) // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. II, ч. 1: Литература 1220-х — 1580-х гг. С. 271–285.
- 6 Древнерусская литература XI–XVII вв. / под ред. В.И. Коровина. М.: Владос, 2003. 448 с.

ний о киевской старине и князе Владимире Красное Солнышко (Великорусские былины Киевского цикла / М. Халанский. Варшава: В тип. Михаила Земкевича, 1885. С. 212–221) [26, с. 11]. Впрочем, тема взаимодействия устной и письменной традиций применительно к почитанию Владимира Святославича остается слабо развитой в специальной научной литературе.

- 7 *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.
- 8 *Иоанн Златоуст* в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков: Каталог гомилий / сост. Е.Э. Гранстрем, О.В. Творогов, А. Валевичус. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 212 с.
- 9 История русской литературы XI–XVII веков / под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1980. 462 с.
- 10 *Кириллин В.М.* Именования Владимира Великого в прославляющих его гимнографических текстах как рефлекс восприятия русским общественным сознанием исторического и инобытийного служения князя // *Studia litterarum*. 2019. Т. 4, № 1. С. 176–201. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-176-201
- 11 *Кириллин В.М.* О происхождении текста 1-й редакции первой службы Владимиру Великому // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2020. № 3 (81): сентябрь. С. 68–82.
- 12 *Кириллин В.М.* Развитие представлений о личности великого князя киевского Владимира Святославича по свидетельству панегирических и агиографических текстов XI–XV вв. // *Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 19 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова, отв. ред. Е.А. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 285–370.*
- 13 *Кириллин В.М.* Развитие состава эпитетов, характеризующих Владимира Святого в посвященной ему древнерусской гимнографии // *Вестник славянских культур*. 2018. Т. 48. С. 113–136.
- 14 *Комарович В.Л.* Московское летописание и исторические повести конца XV — первой половины XVI в. // *История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. Т. II, ч. 1: Литература 1220-х — 1580-х гг. С. 331–336.*
- 15 *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. 3-е изд. СПб.: Наука, 1998. 206 с.
- 16 *Лихачев Д.С.* Русская литература: Обращение ко времени независимости // *История всемирной литературы: в 9 т. М.: Наука, 1985. Т. 3. С. 461–486.*
- 17 *Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. СПб.: Азбука, 2015. 314 с.
- 18 *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.
- 19 *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие письменные источники. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 574 с.
- 20 *Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев: Наукова Думка, 1984. 240 с.
- 21 *Околович Н.Ф.* Жития святых, помещенные в Степенной книге / вступ. ст., публ. и комм. А.С. Усачева. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2007. 120 с.
- 22 *Повесть временных лет. Ч. I: Текст и перевод / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 405 с.*
- 23 *Пчелов Е.В.* Рюриковичи: История и генеалогия. М.: Академический проект, 2016. 584 с.

- 24 Рабинович Е.Г. «Всея Руси самодержец» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 2012. Вып. 16. С. 698–711.
- 25 Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. Изд. 3-е. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
- 26 Селиванов Ф.М. Богатырский эпос русского народа // Былины. Библиотека русского фольклора. М.: Сов. Россия, 1988. Т. 1. С. 5–24.
- 27 Скопин В.В. Церковь святого равноапостольного князя Владимира в Старых Садах // Церковная археология Москвы: Храмы и приходы Ивановской горки и Кулишек / под общ. ред. А.Л. Баталова. М.: Лингва-Ф, 2007. С. 410–436.
- 28 Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–.
- 29 Стилистика русского языка и культура речи: учебник для академического бакалавриата / сост. И.Б. Голуб, С.Н. Стародубец. М.: Юрайт, 2016. 455 с.
- 30 Стилистика современного русского языка: учебник для академического бакалавриата / сост. Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. М.: Юрайт, 2016. 415 с.
- 31 Тихонюк И.А. «Изложение Пасхалии» Московского митрополита Зосимы // Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.: сб. ст. М.: Ин-т истории, 1986. С. 45–62.
- 32 Усачев А.С. Из истории русской средневековой агиографии: два произведения о равноапостольном князе Владимире Святославиче (исследование и тексты) // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 5–44.
- 33 Чешмеджиев Д., Польшванний Д.И. Евфимий // Православная энциклопедия. М.: Изд-во «Православная энциклопедия», 2008. Т. XVII. С. 374–376.

REFERENCES

- 1 Akent'ev, K.K. "Slovo o Zakone i Blagodat' Ilariona Kievskogo. Drevneishaia versiia po spisku GIM Sin. 591" ["Sermon on Law and Grace' by Hilarion of Kiev. The Oldest Version on the List of the State Historical Museum of Sin. 591"]. *Istoki i posledstviia: Vizantiiskoe nasledie na Rusi. Sb. st. k 70-letiiu chl.-korr. RAN I.P. Medvedeva* [Origins and Consequences: Byzantine Heritage in Russia. Digest of Articles to the 70th Anniversary of Corresponding Member RAS I.P. Medvedev], ed. by K.K. Akent'ev. St. Petersburg, Vizantinorossika Publ., 2005, pp. 116–152. (In Russian)
- 2 Alekseev, A.I. *Sochineniia Iosifa Volotskogo v kontekste polemiki 1480–1510-kh gg.* [Works of Joseph Volotskiy in the Context of the Polemic of the 1480s — 1510s]. St. Petersburg, Rossiiskaia natsional'naia biblioteka Publ., 2010. 390 p. (In Russian)
- 3 Akhmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1966. 608 p. (In Russian)
- 4 *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of Literature of Old Russia], vol. 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 548 p. (In Russian)
- 5 Voronin, N., and Orlov, A.S. "Vvedenie: Literatura vremeni obrazovaniia natsional'nogo Russkogo gosudarstva (1460–1530 gg.)" ["Introduction: Literature of the Time of Formation of the National Russian State (1460s–1530s)"]. *Istoriia*

- russkoi literatury: v 10 t.* [History of Russian Literature: in 10 vols.], vol. II, part 1. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1945, pp. 271–285. (In Russian)
- 6 Korovin, V.I., editor. *Drevnerusskaia literatura XI–XVII vv.* [Old Russian Literature of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Vldos Publ., 2003. 448 p. (In Russian)
 - 7 Zimin, A.A. *Rossiiia na rubezhe XV–XVI stoletii (Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii)* [Russia at the Turn of the 15th–16th Centuries (Essays on Social and Political History)]. Moscow, Mysl' Publ., 1982. 333 p. (In Russian)
 - 8 *Ioann Zlatoust v drevnerusskoi i iuzhnoslavianskoi pis'mennosti XI–XVI vekov: Katalog gomilii* [John Chrysostom in the Old Russian and South Slavic Writing of the 11th–16th Centuries: Catalog of Homilies], comp. E.E. Granstrem, O.V. Tvorogov, A. Valevichyus. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998. 212 p. (In Russian)
 - 9 Likhachev D.S., editor. *Istoriia russkoi literatury XI–XVII vekov* [History of Russian Literature of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980. 462 p. (In Russian)
 - 10 Kirillin, V.M. “Imenovaniia Vladimira Velikogo v proslavliaiushchikh ego gimnograficheskikh tekstakh kak refleks vospriiatiia russkim obshchestvennym soznaniem istoricheskogo i inobyitiinogo sluzheniia kniazia” [“Names of Vladimir the Great in Liturgical Texts and the Perception of his Sainthood in the 14th and 17th Centuries”]. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 176–201. (In Russian) DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-176-201
 - 11 Kirillin, V.M. “O proiskhozhdenii teksta 1-i redaktsii pervoi sluzhby Vladimiru Velikomu” [“On the Origin of the Text of the 1st Edition of the First Service to Vladimir the Great”]. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, no. 3 (81), 2020, pp. 68–82. (In Russian)
 - 12 Kirillin, V.M. “Razvitie predstavlenii o lichnosti velikogo kniazia kievskogo Vladimira Sviatoslavicha po svidetel'stvu panegiricheskikh i agiograficheskikh tekstov XI–XV vv.” [“Development of Ideas about the Personality of the Grand Prince of Kiev Vladimir Svyatoslavich according to Panegyric and Hagiographic Texts of the 11th–15th Centuries”]. *Germenevтика drevnerusskoi literatury [Hermeneutics of Old Russian Literature]*. Issue 19. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 285–370. (In Russian)
 - 13 Kirillin, V.M. “Razvitie sostava epitetov, kharakterizuiushchikh Vladimira Sviatogo v posviashchennoi emu drevnerusskoi gimnografii” [“Development of Structure of the Epithets Characterizing Vladimir the Saint in the Eponymous Old Russian Hymnography”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 48, 2018, pp. 113–136. (In Russian)
 - 14 Komarovich, V.L. “Moskovskoe letopisanie i istoricheskie povesti kontsa XV — pervoi poloviny XVI v.” [“Moscow Chronicles and Historical Tales of the Late 15th — the First Half of the 16th Century”]. *Istoriia russkoi literatury: v 10 t.* [History of Russian Literature: in 10 vols.], vol. II, part. 1. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1945, pp. 331–336. (In Russian)
 - 15 Likhachev, D.S. *Razvitie russkoi literatury X–XVII vekov* [The Development of Russian Literature in the 11th–17th Centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 206 p. (In Russian)

- 16 Likhachev, D.S. "Russkaia literature: Obrashchenie ko vremeni nezavisimosti" ["Russian Literature: Appeal to the Time of Independence"]. *Istoriia vseмирnoi literatury: v 9 t.* [History of World Literature: in 9 vols.], vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 461–486. (In Russian)
- 17 Likhachev, D.S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [Man in the Literature of Old Russia]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2015. 314 p. (In Russian)
- 18 Matveeva, T.V. *Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov on Don, Feniks Publ., 2010. 562 p. (In Russian)
- 19 Miliutenko, N.I. *Sviatoi ravnoapostol'nyi kniaz' Vladimir i kreshchenie Rusi: Drevneishie pis'mennye istochniki* [Holy Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and the Baptism of Rus: The Most Old Written Sources]. St. Petersburg, Olega Abyshko Publ., 2008. 574 p. (In Russian)
- 20 Moldovan, A.M. "Slovo o zakone i blagodati" Ilariona ["Sermon on Law and Grace" by Hilarion]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1984. 240 p. (In Russian)
- 21 Okolovich, N.F. *Zhitiia sviatykh, pomeshchennye v Stepennoi knige* [Lives of the Saints, Placed in the Book of the Degree], pref., publ. and comm. by A.S. Usachev. Moscow, St. Petersburg, Al'ians-Arkheo Publ., 2007. 120 p. (In Russian)
- 22 Adrianova-Peretts, V.P., editor. *Povest' vremennykh let. Ch. I: Tekst i perevod* [The Tale of Bygone Years. Part I: Text and Translation]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. 405 p. (In Russian)
- 23 Pchelov, E.V. *Riurikovichi: Istoriia i genealogiia* [Rurik Dynasty, History and Genealogy]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2016. 584 p. (In Russian)
- 24 Rabinovich, E.G. "Vseia Rusi samodержets" ["Autocrat of All Russia"]. *Indo-evropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiia* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], issue 16. St. Petersburg, Institut lingvisticheskikh issledovaniï RAN Publ., 2012, pp. 698–711. (In Russian)
- 25 Rozental', D.E. and Telenkova, M.A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. Posobie dlia uchitelia* [Dictionary-Reference Book of Linguistic Terms. Teacher's Manual]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. 399 p. (In Russian)
- 26 Selivanov, F.M. "Bogatyrskii epos russkogo naroda" ["Heroic Epic of the Russian People. Epics"]. *Byliny. Biblioteka russkogo fol'klora* [The Epics. The Library of Russian Folklore], vol. 1. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1988, pp. 5–24. (In Russian)
- 27 Skopin, V.V. "Tserkov' sviatogo ravnoapostol'nogo kniazia Vladimira v Starykh Sadekh" ["Church of the Holy Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir in Starye Sadekh"]. *Tserkovnaia arkheologiia Moskvy: Khramy i prikhody Ivanovskoi gorki i Kulishek* [Church Archeology of Moscow: Temples and Parishes of Ivanovskaya Gorka and Kulishek], ed. by A.L. Batalov. Moscow, Lingva-F Publ., 2007, pp. 410–436. (In Russian)
- 28 *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975–. (In Russian)
- 29 *Stilistika russkogo iazyka i kul'tura rechi: uchebnik dlia akademicheskogo bakalavriata* [Stylistics of the Russian Language and Culture of Speech, a Textbook for the Academic Baklaureate], comp. I.B. Golub, S.N. Starodubets. Moscow, Iurait Publ., 2016. 455 p. (In Russian)

- 30 *Stilistika sovremennogo russkogo iazyka: uchebnik dlia akademicheskogo bakalavriata* [Stylistics of the Modern Russian Language, a Textbook for an Academic Baklaureate], comp. N.A. Kupina, T.V. Matveeva. Moscow, Iurait Publ., 2016. 415 p.
- 31 Tikhoniuk, I.A. “‘Izlozhenie Paskhalii’ Moskovskogo mitropolita Zosimy” [“Statement of Computus’ by Moscow Metropolitan Zosima”]. *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii SSSR XIII–XVIII vv.: sb. st.* [The Research on the Source Study of the History of the USSR in the 13th–17th Centuries: Collection of Articles]. Moscow, Institut istorii Publ., 1986, pp. 45–62. (In Russian)
- 32 Usachev, A.S. “Iz istorii russkoi srednevekovoi agiografii: dva proizvedeniia o ravnoapostol’nom kniaze Vladimire Sviatoslaviche (issledovanie i teksty)” [“From the History of Russian Medieval Hagiography: Two Works about the Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir Svyatoslavich (Research and Texts)”]. *Vestnik tserkovnoi istorii*, no. 2, 2006, pp. 5–44. (In Russian)
- 33 Cheshmedzhiev, D. and Polyvianni, D.I. “Evfimii” [“Euthymius”]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [The Orthodox Encyclopedia], vol. XVII. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2008, pp. 374–376.

Информация об авторе: Владимир Михайлович Кириллин — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2822-4412>

E-mail: kvladimirm@mail.ru

Information about the author: Vladimir M. Kirillin, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2822-4412>

E-mail: kvladimirm@mail.ru

Для цитирования: Кириллин В.М. Представления о Святом Владимире, Великом князе киевском, в эпоху московского централизованного государства // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 20 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 120–153. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-120-153>

© 2021, В.М. Кириллин

For citation: Kirillin, V.M. “The Representations about Saint Vladimir, Vladimir the Great in the Moscow Centralized State Epoch.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 20. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 120–153. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-120-153>

© 2021, Vladimir M. Kirillin